

Содержание

ПОТОМУ ЧТО МЫ ПОДРОСТКИ

Конфетки.....	11
Тристана и Ланселот	19
Девочка + мальчик + Джованни	23
Тупень и девушка	27
Квартира Виктора.....	30
Хижина моего папы	37
Белая дверь	41
Трудный путь к толстым женам.....	52
Бесконвойница	60
Потому что мы подростки	69
Мой львенок	75
Шпингалеты	80

МЕЖДУ УЖАСОМ И КОШМАРОМ НА ОСТРОВЕ БЕНЕДИКТА

Шмоня	87
После дискотеки	91
Чизкейк	95
Между ужасом и кошмаром на острове Бенедикта	101
Девушка, читавшая журнал «Знамя»	124
Наши мечты	132

Дворник Вадим Яблукайте	140
Его сын	149
Нежный мальчик	156
Женщина	164
И биться сердце перестало	170
Классики	181
Вокруг занавески	187
Заячья кровь	195
2005 год. Култаевские события	203
Никчёмш	208
Подкова	218
Словарь и сирень	225
Добыть Тарковского	229
«Смерть суперматизма»	232
Медали	236
Спаситель Лёха	243
Ящик асептолина	253
Коробка с котятками	258
Что ему делать, чтобы он ничего не делал	263
Старик и дети	268
Дракон проснулся	273
Найти женщину	282
Кентавр и грудь Светланы Аркадьевны	289
За миллиард лет до Борисоглебской тушенки	302
Бобыль	307
Зимняя пляска смерти	317
Почти влюбился	325

Юли...

ПОТОМУ ЧТО МЫ
ПОДРОСТКИ

Конфетки

Вадик не любил папу. Нет, папа был хорошим, но автомобилистом. Все на стройке в сифу играют, а Вадик ключи подает в гараже. Будешь тут счастлив. С таким папой, как у Вадика, держи карман шире. Пельмени заставляет с бульоном есть. А там лук вареный. Противный-препротивный. От него плакать хочется. Вадик вообще любил ничего не делать. Он, когда вырастет, прочитает у Воннегута фразу: «Мы родились, чтобы везде ходить и ничего не делать». Вадик этой фразой все недоразумения своей жизни прикроет, как запчасти ветошью. Для этого ведь писатели и нужны, чтобы помогать нам оправдываться. То есть объяснять самих себя самим себе. Но пока Вадик Воннегута не читал и ленился безо всякой философии. А когда ленишься без философии, взрослые сразу начинают тобой помыкать.

А Вадик, он принципиальный. Он один раз из садика сбежал, потому что там молоко с пенкой давали. В дырку заборную ушел. Бродил везде. Спички по ручейку пускал. Мороженку купил. Его родители на милицейском «бобике» нашли. Папа ремня всыпал. Страшновато, но не больно. Папа всегда ремня рядом всыпывает, как бы кровать хлещет. А однажды, когда уже «Волга» появилась, папа за ондатрой поехал. Он на нее силки ставил, ловушки такие, а потом за гаражом свеживал и на шапки пускал. А мама их на рынке продавала. Только это была тайна, потому что браконьерство. А Вадик сразу не понял, что это тайна, и рассказал про ондатр Сашке Куляпину. А Сашка балабол. Всему двору растрепал. Вадик тогда на Кислотках* жил, в двухэтажном доме. Там мужики на столе в домино играли. Кричали: рыба! Или: врешь, не уйдешь! Или: накося выкуси!

А Сашка к ним подсел и про ондатр рассказал. Ему очень нравилось, что взрослые его внимательно слушают. А мужики потом папе всё рассказали. Он прямо взбеленился. Дураком Вадика обозвал, болтуном и девочкой. А Вадик не стерпел. Мама в баню ушла, потому что ванной не было, а женский день был. А папа под «Волгой» лежал ногами наружу. Он Вадика не взял, потому что сердил. А Вадик только и рад. В рюкзачок пропи-

* *Кислотки*, или *Кислотные дачи* — микрорайон на окраине Перми возле химического завода. В девяностые там выпадал разноцветный снег.

тание собрал и зашел к Сашке. Пять вечера было. Ухожу, говорит, я, Сашка, из дома. Не могу больше их терпеть.

Сашка проникся. Ему дома тоже не нравилось. Папы нет, мама горькую пьет, какой тут интерес? Вместе решили уходить. Город где-то был. Пермь где-то. Туда бы, а там видно будет. Или на природу. Шалаш Вадик с папой уже строил. Рыбу удил. В грибах знал некоторый толк. Не так чтобы разбирался, но «белого» в лицо распознавал.

Короче, собрал Сашка рюкзачок, и пошли они в сторону кладбища. Никто их не заприметил. Будний день, на Химдыме все. Это папа по сменам мантулит, потому и на отдыхе. А мама вообще домохозяйка. А кругом лето. Птицы поют, кузнечики стрекочут. Вадик леску с оснасткой взял. Сашка ножик и спички. Еды на три дня. Благодать и душевное равновесие. А на кладбище не были оба. Недетское это место. Кресты тянутся, надгробия. Лабиринты почерневших оградок. Тень такая от деревьев. Призраки, вурдалаки. Мало ли... Мимо хотели пройти. Не прошли. Прямо, оно неизвестно что, а направо кладбище. Зайдем? Айда! Вдвоем не так страшно. А на кладбище тихо... Пошли бродить. Надписи читать, даты. Фоток — видимо-невидимо. С косичками, смотри! А вон усатый. На тракторе работал. Почему на тракторе? Все усытые на тракторе работают. А я и не знал. Мал еще.

Сашка был старше Вадика на год, а когда одному девять, а другому десять, это существенная разница. На одной могилке конфеты нашли. Две «Бы-

лины» и три «Лимончика». «Лимончики» я не буду, они без фантика, сказал рассудительный Сашка, а «Былину» съем. Вадик возразил. Не нам конфеты оставили. Воровать нехорошо. Сашка насупился. А кому? Кому их оставили? А Вадик похолодел и говорит: мертвецам. Сашка не сдался. А как они их будут есть? Не могут они их есть. Они мертвые. Вадик застучал зубами. Они по ночам из могил выбирают и конфеты едят. Иначе зачем их тут оставлять, сам прикинь? Сашка прикинул. Догадка Вадика сразила его своей стройностью. Вдруг Сашку осенило. Вадик, Вадик! Ну чего? Надо ночи дожждаться и проверить. Могилу найти, чтобы там не сильно взрослый был, мало ли что, и подглядеть из укрытия. Как из засады. Как на войне!

Войну друзья любили. «Батальоны просят огня» вместе смотрели. И про Брестскую крепость, где девушка хромая с седым солдатом жила. Там немцы в самом конце честь ему отдали. Сначала отдали, а потом убили. У немцев, видно, так заведено. Вадик хоть и боялся, но согласился. Это был приятный страх, повизгивающий. Думаешь, с темнотой вылезают или в полночь? Всяко с темнотой. Откуда им про полночь знать, у них часов под землей нету. Так и у нас нету. Вот я и говорю — с темнотой. Солнце начнет садиться, и ляжем. Надо только могилу подходящую найти. Вадик кивнул. Пошли искать. Долго искали. Проголодались — жуть. Сели за столик возле могилы. Печенья на вернули, пряников, «Юпи» из бутылки попили. Дальше побрели. Кладбище не большое, но и не

маленькое, а для маленьких — большое. Глядь — стемнело. Мрак по кронам пополз.

Сашка побледнел. Бегом, говорит, бегом, подходящую надо! Побежали. А кладбище вкривь-вкось, сильно не разбежишься. Ну, Вадик и упал. В поворот не вошел и треснулся об оградку. Смотрит — девочка на фотке. Лобик такой беленький и в глазах искорки. Посчитал в уме. Одиннадцатилетка. Если на них попрет, они с Сашкой легко ее уложат. Позвал Сашку. Тот согласился. Залегли через три могилы. Палки еще нашли. Крепкие такие, с сучками. Рюкзачки под лавку спрятали. Изготовились. Через полчаса стемнело, хоть глаз выколи. Ветерок поднялся, заперебирал кроны. Береза белеет. Или это не береза? Или береза? Вадику домой захотелось. Только он не мог первым предложить, потому что Сашка его трусом бы назвал. А Сашка на самом деле от возвращения бы не отказался, но молчал по той же причине.

Оба лежали, молчали и боялись. И не отрывали глаз от старой могилы. Полчаса прошло. Или час. Или десять минут. Когда страшно, перестаешь чувствовать время. В этом суть страха. Все перестаешь чувствовать, кроме него. Страх — это такой Александр Македонский душевных фибр. Вадик и Сашка знали про Александра. Вадику мама книжку про него читала, а Вадик Сашке ее потом пересказал. Вдруг друзья услышали хруст. Хруст приближался со стороны могилы. То есть как бы из-за нее. Вадик прошептал: «Это чьи-то кости хрустят». Сашка побледнел как простынка. Метрах